

речь с ним все на ту же, например, тему: «Конечно, русский Крым». Конечно, русский, только можно было бы вернуть его в Россию как-то иначе, иным способом, более цивилизованным... Но не будем спорить, тем более что гораздо раньше, еще в прошлом веке, написано Кушнером прекрасное стихотворение «Нет дороги иной для уставшей от бедствий страны...», кончающееся словами:

Каждый раз выбирает Россия такие пути,
Что пугается Запад, лицо закрывает Восток.

Поэтический мир Александра Кушнера зовет нас в иное измерение. И задумываешься о другом, о том, над чем вечно размышляет настоящая поэзия: о величии, и трагизме, и ничтожестве, хрупкости жизни, о ее красоте и о смерти, ждущей на пороге.

И все чаще вспоминаешь строчки Кушнера, написанные давно, тоже в прошлом еще веке, по поводу искусственных руин в парке:

Друзья мои, держитесь за перила,
За этот куст, за живопись, за строчку,
За лучшее, что с нами в жизни было,
За сбивчивость беды и проволочку,
А этот храм не молния разбила,
Он так задуман был. Поставим точку.

Будем же держаться за эти, и не только эти, но и многие другие, любимые нами кушнеровские строчки. И следить за тем, как из простых, «домашних» сюжетов рождаются глубокие и значительные поэтические мысли, как вдруг открываются глаза на что-то до сих пор неведомое.

Ирина МУРАВЬЕВА

НАША «ЗОНА ОТВЕТА»

Николай Боков. Зона ответа. Charleston, SC, USA, 2016.

Писатель Николай Боков родился 31 декабря, в тот самый пограничный день, когда Новый год приходит на смену Старому. Не это ли определило его дальнейшую судьбу? тягу к пограничью, балансирование на краю, постоянное заглядывание за пределы, в бездну?

В последнее время я прочитала несколько книг этого ни на кого не похожего автора, человека с редкой, прямо-таки удивительной биографией. Книга, о которой пишу, называется «Зона ответа». И вот я задумываюсь над этим — согласитесь, весьма требовательным, императивным названием. Ведь если понимать это заглавие как обращение к личности, то «зоной ответа» можно считать нашу жизнь — как мы ее провели и проводим. Ну да, живем мы часто кое-как, словно пишем черновик, со-

вершаем необдуманное, погрязаем в обыденщине. Так нельзя ли в этом случае предположить, что книга Бокова, посвященная его духовным исканиям, поискам Бога, которые проходили в условиях весьма тяжелых, в добровольном нищенстве, в скитаниях по лицу земли, писалась как некий универсальный Ответ, как духовный образец, эдакое житие спасающего свою душу человека... Но нет, толкование явно кривое, всем прочитавшим книгу ясно, как далека она от прописей, святцев и житий, хотя и пронизана духом поиска божественного. Не то. Тогда, возможно, учитывая постоянную неудовлетворенность автора, его бесконечные скитания, ищет ответа он сам? Ответа от кого? От людей, от мест, от ситуаций, от самого Творца? Вопрос повисает в воздухе, ибо, чтобы согласиться с этим предположением или его отвергнуть, нужно хорошенько осмыслить содержание книги. Чем мы и попробуем заняться.

Итак, героем «Зоны ответа» выступает сам автор, его внутренний душевный и даже духовный мир. При этом путь автора-героя прочерчивается в книге не линейно, а причудливо, зигзагами.

В первом тексте он бродяга на улицах Парижа, ночующий на улице в ведро и ненастье («На улице Парижа»), во втором описаны мистические «озарения», случавшиеся с ним в разное время во Франции, под Загорском, на границе Франции и Германии («Совпадения»), в следующем затем тексте — «Амур и Психея» — действие происходит во время военной службы героя в Дальневосточном округе, где его помещают в психушку...

Но не стоит продолжать, принцип построения книги, как мы видим, весьма произволен и не укладывается в определенную схему. Эти кусочки мозаики, отражающие разновременные периоды, в каждый из которых происходит накопление духовных сил и интенций, в конце концов складываются в мозаичное полотно, завершающееся Тетрадью отшельника, куда включены обрывочные, порой экзотические записи. Перед нами некий путь, на этом отрезке закончившийся полным удалением от мира...

Но пора сказать несколько слов о биографии автора. Николай Константинович Боков родился в Москве в 1945 году. Про дату его рождения — 31 декабря — я уже говорила, скажу и про имя. Его небесный заступник, Николай-угодник, святитель Николай, всегда считался покровителем моряков и путешественников, патрон бесспорно соответствует личности опекаемого. В писаниях Николая Бокова не раз встречается коллизия встречи с «чудесными помощниками», носящими не только такое же имя, как он, но и имя его отца, Константина, тоже, по-видимому, имеющее для писателя символическое значение (Константин Великий, как мы помним, сделал христианство государственной религией в своей империи).

Молодой москвич после окончания школы поступил на философский факультет МГУ. Подозреваю, что не было это «идеологическое место» в 1960-е годы распадником свободомыслия, но сама послесталинская эпоха предполагала пробуждение в людях тяги к раскрепощению, к свободе личности и слова.

В эти годы Боков сделался диссидентом, сблизился с подпольным кружком, печатавшим и распространявшим «запрещенную литературу». Напомню, что запрещенными в те годы были «Доктор Живаго» Пастернака, «Мы» Замятина, почти все произведения Солженицына, все написанное на «лагерную тему» и опубликованное только в перестройку, а также статьи Андрея Сахарова и других диссидентов, публиковавшиеся в тамиздате...

Чуть отвлекусь. В «Зоне ответа» есть любопытный кусочек. Автор говорит, что распространение им в 1960-х годах копий нелегального «Доктора Живаго» способствовало тому, что позднее, когда в 1975 году он выехал в эмиграцию, сын Пастернака, Евгений, помог ему материально. Евгений Пастернак предупредил отъез-

жающего, что по роману его отца за границей снят очень плохой фильм. И вот в Вене Боков с женой этот фильм увидели — и по лицу их текли слезы, и картина их захватила...

Вспоминаю свои впечатления — и все совпадает. В ранней юности читала тайком переданный нам с сестрой экземпляр «Доктора Живаго», книжечку в обложке из папиросной бумаги раскрыла прямо в метро, так сильно было нетерпение и такова была политическая неискренность. В те годы за хранение подобной литературы арестовывали и сажали — кстати, визит милиции в квартиру, где лежала книга Пастернака, описан в «Зоне ответа». По счастью, милиционеры только проверили документы, не обратив внимания на «запрещенку».

Так же, как Боков, оказавшись за границей, в Италии, я увидела фильм «Доктор Живаго» и, как и он, расчувствовалась. Показалось, что и характеры точно угаданы, и тема «дороги» решена превосходно, и не раздражал Омар Шариф, великолепно вписавшийся в пространство роли. Прошу прощения за отступление.

Продолжу о Бокове. Ему пришлось уехать — после угроз и прямых посягательств на жизнь со стороны КГБ. В книге «Дни памяти и ночи сновидений» (2015) есть страшноватое описание «отлета» из СССР, когда самолет вернули со взлетной полосы для дополнительного досмотра пассажиров (это были евреи, летевшие в Вену, и диссидент Боков), а потом не давали взлететь в течение нескольких часов, после чего к авиалайнеру подъехал автомобиль, и гэбист «со значением» вернул Бокову его прощальный рисунок: волк, глядящий сквозь решетку тюрьмы на дальний лес. Последний, и опять же символический, дар покидаемой родины. В Париже, куда молодого писателя привела эмигрантская стезя и где за несколько лет до этого печатались его антисоветские памфлеты, места ему, однако, не находилось. Эмигрантские круги встречали «чужаков» из новой генерации недружелюбно. Родилась дочка Маша — инвалид, не могущая ни нормально говорить, ни самостоятельно передвигаться. Испортились отношения с женой...

Это я пытаюсь нащупать то звено, на котором прорвалась цепь привычной жизни Николая Константиновича, выявить тот, по Шекспиру, «вывихнутый сустав», который не дал писателю идти обычной колеей, повернул к религии, к поиску Бога. Как я понимаю, именно книга «Зона ответа», где автор рассказывает о себе, может навести нас на причину этой на первый взгляд внезапной метаморфозы.

Бесспорно, вначале было некое озарение, событие, о котором автор рассказывает в одном из своих текстов (сознательно не называю эти писания «рассказами», больше всего они напоминают отрывки из дневника, но дневника многослойного, к которому возвращаются на протяжении жизни, добавляя тот или иной кусочек). Об озарении чуть дальше. Но ведь было и еще что-то, дополнительное. Вот например, К., очаровательная юная французская женщина, любовь к которой автор-герой, кажется, так и не сумел изжить. Удивительный феномен: началом конца их романа стала совместная четырехдневная голодовка, которую оба мужественно выдержали. Выдержать-то выдержали, но что-то от них отлетело.

«Четвертый день: тишина. Спокойные воды Рейна, прибрежные заросли, серый песок. Мы начинаем плакать одновременно. Все-таки мы сделали этот трудный шаг еще вместе. Шагнули вместе в стороны друг от друга. Я плачу из-за унижения, небывалого, никогда такого не испытанного: великая любовь оказалась чуть выше желания поест. Чуть больше сэндвича».

Вечером, когда голодовка закончена, они пьют чай с бутербродами — и снова плачут, и договариваются, что не оставят друг друга. А затем прощаются на вокзале, он уезжает в Париж: «Дверь захлопнулась, и поезд пошел, быстро набирая скорость. Больше мы не виделись никогда».

Образ К. не раз возникнет перед мысленным взором автора и в этой книге, и в других. Вместе с ней ушло из его жизни что-то очень важное — чувственное, женское, вечное начало любви. В предыдущей книге Боков показал свое мастерство в создании любовной новеллы, в поразительном умении запечатлеть эротические моменты, без пошлости и без котурнов, очень по-человечески. Но в «Зоне ответа» таких мест почти нет, и К. появилась тут как воспоминание и как одна из причин того, что последовало дальше.

На героя наплывало что-то Большое, он вставал и ложился с сознанием, что Бог существует. Может быть, он повредился в уме? Эта мысль погнала его к врачу-психиатру. Женщина-врач посоветовала меньше волноваться и обновила рецепт на успокоительные таблетки, которые он уже принимал после приезда во Францию. О Боге он сказать ей не успел.

А между тем ему было видение. «Открылось — у меня обнаружилось — новое, особенное, никогда прежде не испытанное зрение. Я смотрел внутрь себя — так, как смотрят на окружающие предметы... В мгlistом пространстве с висящим сердцем (сердцем самого рассказчика. — И. Ч.) прозвучал *голос*. *А ты никому не сделал зла?*..»

Я стал говорить, скорее всего, вслух:

— И в самом деле! Непостижимо. Сколько я наделал злого! И тому — вижу теперь! и этой! и К.! и всем, всем, кто только встречался в жизни!»

Привожу этот кусок без комментариев, ибо не будучи сама мистиком или визионером, признаю существование таковых, а в случае Николая Бокова я долго не могла понять истоков его многолетнего «духовного подвига» — как иначе можно назвать добровольно избранный им — на целое десятилетие — образ жизни? В «Зоне ответа» странички дневника приоткрывают первоначальный толчок для перерождения писателя-философа, писателя-сатирика в бездомного бродягу, живущего случайным подаванием и спящего под открытым небом.

В 1982-м последовало его крещение в православие, а с 1985-го начались скитания по монастырям Афона, Иерусалима, церквям Франции и Германии, когда в вещевом мешке странника были только священные тексты, свитер, чтобы спастись от холода, и пленка, защищающая от дождя.

Позволю себе предположить, что инвалидность дочери Марии, невозможность, несмотря на все попытки (поездки во французский Лурд и Фатиму в Португалии) поставить ее на ноги, сыграли свою роль в духовном перерождении отца. В одном месте книги автор говорит, что считал, что девочка перестала расти и развиваться после того, как в раннем возрасте услышала громкую ссору отца с матерью. Кажется, что это — настоящее или мнимое зло, нанесенное дочери, а точнее, желание его искупить — во многом и подвигло героя-автора на те страдания плоти, на которые вряд ли согласится обычный современный человек.

Однако наткнулась в книге на эпитет «благословенные» по отношению к проведенным в скитаниях годам. Годы физических лишений — отказа от комфорта, даруемого цивилизацией, даже в его самом примитивном выражении в виде сытного куска и теплой постели, сопровождались постоянной духовной работой, а временами *озарениями*, когда нашему герою казалось, что за ним следит и его спасает высшая сила.

Незабываемо описание болезни — с лихорадкой, ознобом, обильным потом, — подхваченной странником после ночевки на бетонном полу заброшенного строения. Пешка в Божьем мире — кому он был нужен в своей немощи и болезни? И он уже полагал, как уже бывало с ним, что приходит последний час. Кстати говоря, именно в эти минуты ожидания конца и возникает у писателя словосочетание «зона ответа»: «Может быть, дело не в словесном ответе, не в ученом объяснении, а в обнаруже-

нии „полосы понимания“, „зоны ответа“, куда можно „войти“ и воспринять всем существом — временно-вечным нашим существом — невыразимое». Здесь говорится об «ответе» некой Высшей силы, о заботе Бога.

В тот раз болезнь ушла как не бывало, он выздоровел. Явление, когда визионер ощущает присутствие Бога и слышит его голос, оказывается, имеет название *Бат кол* — что в переводе с еврейского означает «Голос Бога». Так назван один из текстов этой книги. Он рассказывает о посещении Арля, города Ван Гога, — и вот его конец: «Быть в Арле и не вспомнить об ухе Ван Гога? Нет, невозможно. Просто невежливо. Вы помните, конечно, что однажды художник отрезал себе кусочек мочки и послал приятелю Гогену. Как говорится, в припадке безумия. И, однако, заметим, что именно ухо, а не что-нибудь другое... Если присмотреться, ухо отдаленно похоже на младенца в утробе матери. Как зреющий плод. Созревший. И перерезают, собственно, пуповину. Ухо, словно некий младенец. Словно ребенок Ван Гога, погибающего художника. Ребенка нужно спасти. Послать его другу перед своим исчезновением. Любопытно, что и спальный мешок напоминает о материнстве, и спящий в нем — младенец, которому предстоит родиться наутро».

Если потянуть за эту ниточку — младенец, ребенок, которого нужно спасти, — выйдешь на одну из центральных тем книги — тему Марии, дочери художника, живущей в инвалидном доме. Странник говорит о себе, что, если его не станет, никто о нем не вспомнит, никому он не нужен, кроме дочери. Эта привязанность взаимна, и Мария, Маша, при всей своей беспомощности, а возможно, именно из-за нее, нужна отцу.

И в этой книге, где так много встреч и пересечений человеческих судеб, где люди проходят истинную проверку — по тому, как они встречают бездомного нищего, — одна из главных историй — о двадцати детишках, живущих рядом с Мари, каждый из которых со своим недугом и страданием: «Мария уже заметила меня и довольно улыбается, однако своей радости до времени не обнаруживает. Потому что по дороге к ней мне еще нужно поздороваться с Бернардом, едущим в кресле, и с блаженной Надеждой (она родилась без кистей рук), и с Рашидом: он передвигается на снабженной колесами койке, лежа на животе...».

Мне довелось читать повесть Николая Бокова, посвященную дочери¹. В ней писатель подробно рассказывает о жизни Маши и других подопечных дома для инвалидов во Франции. Повесть можно назвать отчасти публицистической, ибо даже в благословенной Франции далеко не все хорошо в работе с детьми-инвалидами.

В «Зоне ответа», хотя Маша встречается тут и там на страницах книги, непосредственно с ней связан только один текст, текст грустный и счастливый, носящий то же название «Зона ответа», что и вся книга. Отец и дочь заняты друг другом, они упоены встречей. «— Ты завтра придешь? — уже беспокоится Маша. Ее соседки Зульфия и Элен внимательно слушают наш разговор. — Приду! Пойдем гулять далеко, пойдем в Парк цветов. И бабочек: там устроен вольер для бабочек-капустниц. И есть игрушечный поезд для детей».

Трудно представить, что эту связь может что-то нарушить. Но вот Боков пишет, что Машу увезли, скрыв от него ее новый адрес. Он не видел дочь три года... По мистическому совпадению, 9 сентября, в день убийства отца Александра Меня, почта принесла ему конверт с адресом Маши. И адрес дочки, написанный на конверте рукой ее матери, для автора-героя написан рукой самого Господа.

Есть в книге еще одна Мария. Благодаря ей герою-автору удалось уехать в Святую землю. Однажды он уже побывал там — и возможность переехать на корабле

¹ Николай Боков. Повесть о Маше. <https://www.chayka.org/node/65605>, 15 июня 2015, а также альманахах «Чайка», 2015, № 2.

из Греции осуществилась чудесным образом. В последнюю минуту к билетной кассе подбежал юноша, купивший билет для себя и для незнакомого бродяги, безмолвно стоящего возле кассы. Таким образом этот бродяга — Боков — благополучно добрался до места назначения.

Второй раз свершилось нечто похожее, большое участие в этом «чуде» приняла греческая юродивая, по имени Мария. Она подвела безденежного странника к компании и, указав на какого-то человека, сказала: «Этот». В итоге человек, на которого она указала, поселил бродягу у себя, а потом снабдил деньгами (десять тысяч драхм!) для морского путешествия. Впоследствии герой выяснил, что его «благодетель» никогда до того Марию не видел. Конец этого текста («Билет в Святую землю») замечателен. Осчастливленный паломник с бьющимся сердцем поднимается на палубу, «еще опасаясь немного, что передумают, схватят, вышлют». С палубы он замечает маленькую знакомую фигурку, идущую по берегу, и машет ей рукой, и кричит прощальные слова, но ветер относит их в сторону. Дальше — слово автору: «И вдруг вижу, как женщина поднимает руку в благословляющем жесте. Она даже снимает косынку. Она машет черной косынкой. Таинственная Мария, завершающая ей одной известную миссию. Прекрасная Мария. И глаза мне щиплет и жжет. Прощай, Эллада. Афины, прощайте. Иерусалим, спасибо за это стремление к тебе».

Ни в одном из этих восклицаний нет восклицательного знака. Автор умеряет интонацию, утишает звук, чтобы не сфальшивить, не впасть в декламацию. Высокие чувства боятся профанации. Ясно, что гречанка Мария какой-то частицей связана в сознании странника с Марией-дочерью, оставленной во Франции, а от них обеих тянется ниточка к их небесной покровительнице, Деве Марии.

Книга прочитана, и мы снова возвращаемся к ее названию. Что же, собственно, такое эта «Зона ответа»? Трудно ответить за автора, но мне кажется, что Николай Боков имеет здесь в виду свою *ответственность* за происходящее с ним и с его близкими. Мы все находимся в этой зоне, и однажды нам всем придется держать — каждому свой — ответ. Спасибо автору, напомнившему нам об этом!

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ